

Янь Фэйду парил в воздухе, выводя духовной силой сияющие руны и шаг за шагом укрепляя защитную формацию.

— Отныне ни одна тварь не прорвётся сюда без вашего позволения.

Закончив, он изящно сложил руки в приветственном поклоне перед старыми демонами, выражая вежливое сожаление за своё недавнее самоуправство.

Кошачья братия тем временем во все глаза разглядывала незваного заклинателя.

Гость был облачён в алые одежды с вышитыми золотом цилинями. Рукава и полы полыхали узорами облаков, устремлённых к солнцу, а тёмный пояс туго перетягивал гибкий, сильный стан. Тёмные волосы, подколотые белоснежным нефритовым кольцом, высоким хвостом спадали на спину вместе с алыми лентами. На поясе покоился серебристо-белый меч, рядом поблёскивали нефритовая подвеска, шёлковая сумка ста сокровищ и изящная курительная трубка, инкрустированная самоцветами.

Когда Янь Фэйду повернулся, в его руках мелькнул резной веер из белого нефрита, а на большом пальце правой руки блеснул такой же нефритовый перстень.

Он и без того обладал внешностью, способной посрамить небожителей, а в этом выверенном до последней нити убранстве казался воплощением благородства и чарующей, почти опасной красоты.

Заметив на себе пристальные кошачьи взгляды, Янь Фэйду неторопливо шагнул к ним.

Коты тут же начали карабкаться друг на друга, сбившись в живую пирамиду. В самом низу пыхтел, подставляя упитанную спину, самый тучный чёрный кот — шестой брат, Во Пинша. На самом верху ютилась малышка Сянчжэнь.

— Это ты заключил духовный договор с моим братишкой? — пискнула Сянчжэнь.

Даже взобравшись на такую высоту, она всё равно не могла сровняться взглядом с заклинателем и смотрела на него снизу вверх.

— Всё так, — улыбнулся Янь Фэйду, изящно сложив руки в приветствии.

Будь здесь Хан Цзянсюэ, он бы непременно удивился: надо же, на людях этот бессмертный так любит улыбаться!

— Я о тебе слыхал. Слухи ходят скверные. Неужто ты заманил А-Шуэ в ловушку и обманул? — подал голос пятый брат, Ханьгуан, сидевший прямо под Сянчжэнь. Голос его звучал весьма

недружелюбно.

Янь Фэйду состроил сокрушённую мину:

— Скорее уж это игра судьбы.

Сянчжэнь тихонько кашлянула и на ухо Ханьгуану шепнула, как именно Хан Цзянсюэ перепутал дороги и случайно напросился в ученики не к тому человеку.

Ханьгуан сперва намеревался вступить за глупого кролика, но, узнав правду, лишь удручённо замолк.

— Пусть ты и проделал столь дальний путь, но А-Шуэ уже ушёл в город на поиски матери. Так что пришёл ты впустую, — помахал лапой третий брат, Чжэгуэй.

Янь Фэйду склонил голову, задумчиво разглядывая сияющий купол барьера, за которым таилась иллюзия Беспредельного Облика Взаимного Рождения.

— В таком случае я просто пойду за ним.

Демоны, только что благодарно принимавшие его помощь в укреплении формации, тут же вспыхнули:

— Ну и дерзкий же ты заклинатель! Идёшь на смертельный риск, будто собрался на рынок за зеленью!

Янь Фэйду медленно поднял белеющий веер и указал им вперёд:

— Даже если я останусь здесь, тварь внутри, похоже, ждать не намерена.

Едва прозвучали эти слова, как у самого подножия нерушимой формации вильнула крошечная брешь. Из щели выскользнула рыжая лисица — не иначе как воплощение дзен-мастера Иху.

— О достойные, к чему эти стражи у ворот? — со слащавой ухмылкой заговорила лиса. — Птица Пенг мертва, а те, кто вошёл в город, не стоят и выеденного яйца. Лишь вам под силу отыскать меня и рассеять этот морок! Или вы предпочитаете трястись от страха в своих норах, слизывая кровь соплеменников?

Лживая провокация была шита белыми нитями, но древние демоны уже готовы были вскипеть от ярости. Однако раньше, чем кто-либо из них успел сделать шаг, воздух разрезал холодный голос:

— Много шума.

Лисица осеклась, намереваясь добавить что-то ещё, но в то же мгновение чья-то тонкая кисть сжала её шею.

Янь Фэйду поднял оторванную лисью голову к самым глазам и с пренебрежением оглядел её.

— Гостей созывают иначе. Раз уж ты так настойчиво зовёшь меня — что ж, я сделаю одолжение. Вот только куда бы я ни явился, я прихожу и ухожу исключительно по собственной воле. И удерживать меня ты не смеешь.

Пальцы Янь Фэйду сжались — и лисья голова со скрежетом обратилась в серую пыль!

Он неторопливо обернулся к демонам и с улыбкой поклонился:

— Не стоит вслушиваться в бредни подобных тварей. Вникните в их слова — и сами не заметите, как угодите в капкан.

Бессмертный старец Кипарис с изумлением взирал на этого Бессмертного Владыку Исполнения Желаний, о котором в Поднебесной ходила слава как о жестоком и беспощадном муже. Неужели он и впрямь вознамерился ступить в Беспредельный Облик Взаимного Рождения?

— Но даже если ты войдёшь, как ты найдёшь там маленького кролика?

Янь Фэйду усмехнулся:

— Нас связывают узы договора. К тому же эта иллюзия не способна изменить плоть и облик. Стоит мне увидеть его — и я узнаю его из тысячи.

«В конце концов, этого мягкого, пушистого любителя поласкаться, если только его не приготовили с острым перцем, видно издалека», — подумал он.

— Что же до меня... — Янь Фэйду коснулся пальцами алой метки меча на лбу. — У меня найдётся средство сохранить ясность разума. Стереть мои воспоминания никому не под силу.

В этих словах звучала гордыня, но из уст Янь Фэйду они казались неоспоримой истиной.

Помощь столь могущественного заклинателя была кстати. Старейшины переглянулись и приоткрыли проход в барьере.

Шагнув в марево формации, Янь Фэйду бросил напоследок:

— Прибавьте три к Северной Насосной и четыре к Южной Звезде. Это удержит отклик и не позволит тварям вырваться наружу.

Это была суть древнего заклятия, окончательно запиравшего проход для нечисти.

Котята заворожённо смотрели вслед исчезающему силуэту.

— До чего же он высокомерен!

— И с поволокой такой... опасной!

Впрочем... кошкам по душе подобный нрав~

Раз он так рвётся внутрь, то наверняка без ума от маленького кролика!

Стоило Янь Фэйду ступить в бесформенный хаос, как ноздрей касался едва уловимый, тёплый аромат. То был запах водяных цветов, день и ночь воскуряемых в курильницах, смешанный с влажным паром горячих источников.

Распахнув глаза, он обнаружил себя восседающим на верхнем ярусе алого терема. Перед ним стоял низкий столик, сбоку спутывалась бамбуковая циновка, а неподалёку кто-то перебирал струны гуциня, выпевая печальный мотив о неразделённой любви.

Приподняв занавесь и взглянув вниз, Янь Фэйду увидел огромную купальню с термальной водой. В воде, облачённые в чешуйчатые наряды русалок-цзяожэней, резвились танцоры, исполняя представление «Рыб и Драконов». Впрочем, рисунок танца казался сбивчивым и хаотичным, будто у них не было ведущего мастера.

— Тринадцатый господин! Тринадцатый господин!

Из-за резной галереи, пошатываясь и сжимая в руке кувшин с вином, вынырнул хмельной молодой дворянин.

— Нынче на «Срезании Весенних Фонарей» и посмотреть-то не на что! Ведущий танцор так разгневался, что вовсе отказался выходить на сцену!

Янь Фэйду чуть приподнял бровь. Приняв из рук юноши кувшин, он налил в пиалу изумрудную

влагу.

— О как? И отчего же он упёрся?

Хмельной гуляка вытянулся на столешнице, туманным взглядом уставившись вдаль:

— Из восьми мирских страданий что значат болезнь да смерть... Вот неразделённая страсть — вот где настоящая пытка, словно живьём кожу сдирают...

Пробормотав это бессвязное сетование, юноша провалился в сон. Янь Фэйду пригубил из пиалы и поставил её под резные перила, позволяя залетевшему лепестку качаться на зелёной глади.

Оказавшись в этом мире, он всё ещё чётко чувствовал нить духовного договора, связывавшую его с Хан Цзянсюэ.

Поднявшись, Янь Фэйду неторопливо пошёл по бесконечным крытым галереям.

Мимо порхали юноши и девы в белоснежных плясовых одеждах. С фонариками в руках они проносились лёгкими теньями, и полы их длинных одежд распускались, подобно лепесткам лотоса.

В широких окнах соседнего терема виднелся юноша, отбивавший дробь на барабане, и дева, кружившаяся в такт его ударам. На перилах сидел певец; к его ногам были привязаны алые ленты, которые ветерок уносил прочь вместе с чарующим голосом, улетающим, казалось, под самые небеса.

«Алый феникс изящен, тёмный феникс пленителен.

Кувшинки холодны, дикий пион полон страсти.

Пусть ложе усыпано цветами, а тело омыто золотом и нефритом,

Вся роскошь гор и морей — ничто пред твоим взглядом...»

Серебряный хохот и звон бубенцов эхом катились по всему терему, погружённому в атмосферу бесстыдного блаженства.

— Тринадцатый господин!

Казалось, здесь каждый знает Янь Фэйду и находит нужным окликнуть его «Тринадцатым

господином».

Пройдя немного дальше, Янь Фэйду окончательно понял, кем именно он является в этой иллюзии Беспредельного Облика Взаимного Рождения.

Нынче он — Янь Фэйду, тринадцатый сын Герцога Мужества и Решимости. Избалованный барчук, выросший в неге и роскоши, да вдобавок свежееиспечённый победитель императорских экзаменов, чтимый академик Ханлинь. Его судьба сверкает всеми гранями успеха, и он ничуть не похож на страдальца, томящегося в адских муках.

Непосвящённым кажется, будто Беспредельный Облик Взаимного Рождения должен представлять собой разверзшиеся небеса, громы и молнии. Но на деле разлив человеческих страстей и мирской прах — не самое ли опасное испытание?

Глядя на это буйство плотских утех и пьяного угара, Янь Фэйду лишь мерно постукивал белым веером по ладони, а на губах его замерла едва заметная, ироничная улыбка.

В голове же мелькала единственная мысль: кролик, угодив сюда, первым делом рванул в эдакий притон... Не дай бог наберётся дурного!

Янь Фэйду поднимался по ступеням, и на каждом ярусе перед ним разворачивались картины безудержного веселья. Какой-то безумец, перебрав вина, с хохотом сиганул с балкона прямо в купальню, вызвав новый взрыв оваций и смеха.

— Неужто и ты мечтаешь провести ночь с Молодым маркизом?

— Увы, увы!

— Даже Янь Шисань сходит по нему с ума от безответной любви!

— Танцор из «Срезания Весенних Фонарей», прознав, что Молодой маркиз пожаловал нынче, от смущения да досады так и не решился выйти к публике!

— Узрев Молодого маркиза, кто дерзнёт изображать из себя драгоценную жемчужину, затмевающую всю столицу?

Янь Фэйду:...

Ему стало по-настоящему любопытно: стало быть, вот она, его суждённая мука «неразделённой страсти»?

Толпа, разумеется, заметила его.

Кто-то из хмельных гостей уже вознамерился шагнуть навстречу с сальными шуточками. Совсем юный отрок припал к перилам, уставившись на статного юношу в алом.

Однако стоило ему встретиться с ним взглядом, как слова застряли у него в горле.

Меж бровей Янь Шисаня алела метка меча — говорили, будто родимое пятно от рождения.

Свет алых фонарей падал тонкой тенью на его веки, придавая облику нечто порочное, пленительное. Губы его слегка изогнулись в улыбке, и от одного этого спокойного взгляда вся хмель моментально выветрилась из головы отрока.

— Я не против суда людского, — донёсся тихий, чистый голос, подобный звону струн. — Но ежели сказать вам нечего, я пойду.

Когда Янь Фэйду удалился, отрок окончательно протрезвел. Щёки его пылали то ли от испуга, то ли от непонятного смущения.

— Чудеса! Неужто Янь Шисань всегда был так хорош собой?

... Впрочем, до Молодого маркиза ему всё равно далеко.

Нить духовного договора натягивалась всё сильнее. В воздухе явственнее ощущалось дыхание горячих источников — влажное, тёплое, с лёгкой примесью серы.

В «Срезании Весенних Фонарей» отводились места не только для пиров и плясок, но и для тихого отдыха. Многие и вовсе жили здесь безвылазно, не желая возвращаться в мир.

Впереди бушевали водопады цветов. Фиолетовые плети глициний и белые нити висячего жасмина раскачивались на ветру, перекликаясь с далёким ропотом гуциня. Под этой цветочной завесой сплетались ветви кустов белой магнолии, образуя узкий проход.

Каждому, кто пройдёт здесь, не миновать осыпающихся лепестков.

Янь Фэйду веером раздвинул благоухающие ветви и сделал шаг вперёд. Завеса белого пара клубилась над водой; купальня была совсем близко.

Он уже грешным делом подумал: уж не заблудился ли маленький кролик в этой цветочной

чаще да не свалился ли вниз? Неужто на сей раз из него выйдет не острый кролик, а тушёный кроличий супчик?

Янь Фэйду лёгко улыбнулся, но тут плеснула вода — кто-то поднимался со дна бассейна.

Там, куда вела нить духовного договора, Янь Фэйду увидел вовсе не пушистого зверька. Пред ним предстал человек.

Взору открылось тело, распаренное горячей водой, румяное и прекрасное, словно отражение звёзд в чистой реке.

Договор, заверенный Восточным Владыкой-гуном и Западной Владычицей-матерью, не мог солгать, а Беспредельный Облик Взаимного Рождения не изгалялся над истинной плотью.

Среди белых и фиолетовых цветов выскользнул из пальцев и со стуком упал на камни веер из белого нефрита.

<http://bllate.org/book/20471/2151787>